

ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ. МАЛЫЕ НАРОДЫ

Патриотизм — начало творческое, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей профессии, круг интересов — все определять в человеке и все освещать.

Патриотизм — это тема, если можно так сказать, жизни человека, его творчества.

Патриотизм непременно должен быть духом всех гуманитарных наук, духом всего преподавания... Действительно, патриотизм прежде всего начинается с любви к своему городу, к своей местности, и это не исключает любви ко всей стране...

Я думаю, что преподавание краеведения в школе могло бы послужить основой для воспитания настоящего патриотизма. В последних классах школы два-три года курса краеведения, связанного с экскурсиями по историческим местам, с романтикой путешествий, были бы чрезвычайно полезны.

Я придерживаюсь того взгляда, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье, к своему дому, к своей школе. Она постепенно растет. С возрастом она становится также любовью к своему городу, к своему селу, к родной природе, к своим землякам, а, созрев, становится сознательной и крепкой, до самой смерти, любовью к своей стране и ее народу. Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цепь, когда что-нибудь в ней выпало или, больше того, отсутствовало с самого начала.

*О воспитании патриотизма, о преемственности
в освоении культуры // Прошлое — будущему:
Статьи и очерки. М., 1985. С. 75—76*

* * *

Истина историка и литературоведа всегда патриотична; ложь и подтасовка патриотичными быть не могут.

*Мысли о науке // Прошлое – будущему:
Статьи и очерки. М., 1985. С. 565*

Малые народы

...Человечество страдает еще и от того, что крупные народы с мировыми языками кое-где поглощают малые, с их бесценными сокровищами – фольклорными и лингвистическими, с обычаями и историей. Они исчезают на наших глазах бесследно. Есть очень много народов, которые насчитывают по 600–700 человек. Говорят, даже где-то на востоке Сибири есть народность, от которой сохранилось только двое. Нужно во что бы то ни стало записать их язык, так как это одна из величайших ценностей.

Общение народов

Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потерянется, не растворится среди других. Такова абсолютная истина: общение народов между собой способствует развитию их собственных культур.

Национализм

Прожив 80 лет, с глубоким сожалением вижу: после трагического опыта фашизма, нацизма рост национализма продолжается. Не могу этого понять. Причем уроков не извлекают и ошибки повторяют те, кто в прошлом сам страдал от национализма... Это противоречит рассудку.

*Воспитать в себе гражданина мира //
Я вспоминаю. М., 1991. С. 126*

Национализм и патриотизм

Мои общественные взгляды общеизвестны. Я против любого национализма, за патриотизм каждого народа. Меня же иногда обвиняют то в национализме, то в антируссских настроениях. Я думаю, что это делают очень невнимательные читатели моих произведений. Я не устаю повторять: национализм прямо противоположен патриотизму. Мы обязаны быть патриотами. Патриотом обязан быть каждый народ по отношению к своему народу, но националистами мы никогда и ни при каких случаях быть не должны. К агрессивным тенденциям, достойным осуждения, я отношу национализм. Агрессивность общественного сознания порой проявляется в чрезвычайно сильной форме — в этом я вижу результаты десятилетий тирании Сталина. Я не такой благодушный человек, как может показаться. Да, я за запрещения. За запрещение грубых форм национализма. Запрет на убийства, кражи, то есть уголовно наказуемые действия, в том числе и порнографию...

*Экология духа человеческого //
Я вспоминаю. М., 1991. С. 202–203*

* * *

К стране, к народу, к нации должны быть применены те же критерии достоинства, что мы применяем к отдельному человеку, к личности человека. Это мое главное убеждение.

Как мы оцениваем человека?

По уму, воспитанности, скромности, нравственности, уживчивости с другими, неагрессивности, уважению к старикам, заботе о детях, о будущих поколениях, по доброте и т. д.

Как оценивают себя государства и грубые националисты?

Как можно больше территорий, как можно больше военной силы, военной мощи, сильная армия, огромное число танков, страх, внушаемый государством...

Между тем авторитет страны должен измеряться не числом танков, а числом известных авторитетных университетов, числом больниц, хороших школ, качеством науки, музыки, живописи, трудолюбием населения, поведением населения.

Есть одно особое обстоятельство, на которое следует обратить серьезное внимание именно сейчас. Это отношение к другим народам.

Мы ценим в любом человеке его дружелюбие, общительность, его понимание собеседника, вообще «другого» человека.

Но вновь образовывающиеся на территории нашей страны независимые государства в большинстве своем отдают предпочтение только *одной*, господствующей, своей национальности.

В России старой, царской, как бы к ней не относиться, было более 300 народов, народностей, этнических групп.

И если говорить в целом, то Россия их сохраняла. Вина России была перед евреями: тех, кто не имел профессии, не имел высшего образования, держали в т. н. «чертеж оседлости». В высшие учебные заведения евреи принимались по определенной процентной норме (касалось это только евреев, признававших талмуд, — не караимов, и не принявших крещение). Антисемитизма не было в русском крестьянстве и в интеллигентии на Севере страны. Вина русского государства была перед поляками, которые должны были иметь самостоятельное государство. Однако положение татар, финнов, кавказских народностей ничем не отличалось от русских. Знать татарская и знать кавказская признавалась — признавались их князья, как и прибалтийские бароны и графы...

Нынешнее несчастье с малыми народностями состоит в том, что отделившиеся государства сразу, большинство из них становится угнетателями своих национальных меньшинств. Не буду называть эти государства: о них знают все. Национализм — страшное бедствие современности.

В чем его причина? В том, что народы слишком мало знают друг о друге. Не знают культуры своих соседей. Имеют самые посредственные знания по истории. При этом в исторической науке очень много мифов, ложных представлений, фальсификаций. Да и вообще мы часто подчиняем культуру политике...

Речь Д.С. Лихачева по поводу присуждения ему диплома почетного доктора Карлова университета

(Прага) 18.12. 1991 г.

Печатается по рукописи

* * *

Митинги и уличные демонстрации — это нормальное явление общественной жизни, и надо научиться и тем, кто демонстрирует, и тем, кто охраняет порядок, работать, жить и действовать в условиях гласности. И необходимо больше ответственности в публичных заявлениях и обращениях. В частности, демонстрации были посвящены главным образом ужасным событиям депортации части населения народов Прибалтики: эстонцев, литовцев, латышей. Но не следует примешивать сюда антирусский дух. Надо помнить, что русские, украинцы и белорусы потерпели еще большие несчастья от Сталина. Русские несчастны оттого, что претерпели эти гонения, и еще их же в этих гонениях обвиняют. Одна несправедливость накладывается на другую. И неизвестно, какая еще страшнее. Мы претерпели от Сталина огромные, миллионные жертвы. Особенно русская интеллигенция и русское крестьянство. Крестьянство мне особенно жалко. О крестьянах пишут, но мало. Все остальные могут оставить о своих страданиях какие-то документы, воспоминания. А крестьянских воспоминаний об их депортации нет...

Поэтому этот антирусский момент в этих демонстрациях неуместен. Нужно понять в республиках, что русские пострадали от Сталина больше, чем они сами. И кто не пострадал от Сталина: грузины, армяне, народы Средней Азии, народы, высыпавшиеся целиком, в полном составе?

*Накануне // Заметки и наблюдения.
Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 602–603*

Патриотизм против национализма

Существуют совершенно неправильные представления о том, что, подчеркивая национальные особенности, пытаясь определить национальный характер, мы способствуем разъединению народов, потакаем шовинистическим инстинктам.

Великий русский историк С.М. Соловьев в начале седьмой книги своей «Истории России с древнейших времен» писал: «Неприятное восхваление своей национальности... не может увлечь русских...» Это совершенно верно. Восхвале-

нием самих себя *по-настоящему русские* никогда не «хворали». Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и начале XX в., были склонны к самоуничижению — преувеличивали отсталость своей культуры.

Русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами. Мы можем отметить это уже для древнейших веков существования Руси. Мирное соседство русских и карельских деревень на севере в течение тысячелетия — факт очень показательный. Соседство с русскими мери, веси, ижоры и т. д. не было окрашено кровопролитиями. В Киеве был Чудин двор — какого-то знатного представителя чуди (будущих эстонцев). В Новгороде была Чудинцева улица. Там же в недавние годы найден древнейший памятник финского языка — финская берестяная грамота, лежавшая рядом с написанными по-русски. Несмотря на все войны со степью, иные из которых носили отнюдь не национальный, а сугубо феодальный характер, русские князья женились на знатных половчанках. Не было, значит, расовой отчужденности. Да и вся история русской культуры показывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси. О том же писал и Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков...»: «Но узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине... С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрине и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительная литература времен Очаковских и покорений Крыма.

И неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни... Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на об-

щественные язвы, болезни — предполагает страстную тоску о здоровье».

Это свойство русской литературы находить какие-то дурные стороны во временном бытии нации, в злободневности, в том, что свойственно только сегодняшнему дню и может быть в будущем преодолено, характерно, конечно, не только для Гоголя и Щедрина. Прежде всего оно свойственно самому Достоевскому, а затем — длинному ряду писателей-революционеров: Радищеву, поэтам-декабристам, революционным демократам и т. д., и т. д. И это свойство стоит рядом с умением замечать лучшее у других народов. Это тоже черта очень ценная, если только, конечно, она не переходит в самоохвашивание, в злорадство и злопыхательство по поводу своих же собственных недостатков.

Сразу по взятии Казани в середине XVI в. составляется «История Казанского взятия», где рассказывается и о храбости татарских защитников Казани, и с сочувствием передается плач казанской царицы Сююмбеки о потере Казанью своей независимости. Это поразительное произведение... Но вот, как будто бы с другого конца, я занялся восхвалением своей национальности? Но нет, ведь то же самое свойство открытости и миролюбия отличало и финские племена, жившие в соседстве с русскими. Эта открытость — черта определенного, донационального, существования народов. Однако на Руси эта черта пережила все временные границы, она утвердилась идеологически, стала сознательным и определенным принципом в жизни лучшей части русской литературы и исторической мысли. Принципы эти были унаследованы восточнославянскими народами у болгар. Кирилл (или Мефодий) говорил в своем споре с триязычниками (сторонниками богослужебной практики только на трех языках — греческом, еврейском и латинском) в Венеции: «Разве не идет дождь для всех равно? Разве не для всех сияет солнце? Не дышим ли мы все единым воздухом?»

Этой мысли вторит в середине XI в. русский митрополит Иларион в своем замечательном «Слове о Закона и

Благодати», где говорится о том, что все народы равноправны и все совершают общее дело для человечества.

Национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов очень скучным и серым.

В самом деле, представьте себе, что вы путешествуете в вагоне и видите из окна один и тот же пейзаж. Скучно! Пропадает интерес к путешествию, и исчезает любовь к стране, по которой вы проезжаете. Ребенок не полюбит куклу, если он будет знать, что все куклы совершенно одинаковы и их множество. Надо в своей кукле найти индивидуальные особенности, отличающие ее от других кукол, и надо назвать ее своим именем. Имя как признак индивидуальности, неповторимости играет огромную роль в привязанности к чему бы то ни было и к кому бы то ни было. Если нет индивидуальных особенностей, отличающих одну местность от другой, одно село от другого, один город от другого и ваш собственный дом от соседних, — вся страна превращается в пустыню, скучную, неинтересную, а люди в ней — в людей, лишенных любви к родным местам.

Именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом, заставляют нас любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общественное значение. Оно очень важно.

Со времени, когда и жил и работал Достоевский, утекло немало воды — не той воды, что живит и растит, а той

«мертвой воды», которая часто является собой форму пустословия и не дает дышать мысли. Однако эта мертвая вода пустословия не коснулась многих мыслей Достоевского. Они остались в высшей степени современны.

Вот, например, что писал Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого)»: «Говоря, впрочем, о национальности, мы не разумеем под нею ту национальную исключительность, которая весьма часто противоречит интересам всего человечества. Нет, мы разумеем тут истинную национальность, которая всегда действует в интересе всех народов. Судьба распределила между ними задачи: развить ту или другую сторону общего человека... только тогда человечество и совершил полный цикл своего развития, когда каждый народ, применительно к условиям своего материального состояния, исполнит свою задачу. Резких различий в народных задачах нет, потому что в основе каждой народности лежит один общий человеческий идеал, только оттененный местными красками. Потому между народами никогда не может быть антагонизма, если бы каждый из них понимал истинные свои интересы. В том-то и беда, что такое понимание чрезвычайно редко и народы ищут своей славы только в пустом первенстве пред своими соседями. Разные народы, разрабатывающие общечеловеческие задачи, можно сравнить с специалистами науки; каждый из них специально занимается своим предметом, к которому, предпочтительно пред другими, чувствует особенную охоту. Но ведь все они имеют в виду одну общую науку. И отчего наука всего более идет в широту и глубь, как не от специализации ее предметов и частной разработки их отдельными личностями?»

Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого — не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, — не отделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм)

рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, *активно* миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям.

Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы. Заражаются национализмом по большей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии. Но великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру.

Необязательно сильный народ многочислен, а слабый малочислен. Дело не в числе людей, принадлежащих к данному народу, а в уверенности и стойкости его национальных традиций.

Лет пятнадцать назад, еще до образования Общества охраны памятников культуры и истории, я встретился с тремя милыми и думающими молодыми людьми, которые, как и я, были обеспокоены тем небрежением, в котором находились, особенно тогда, памятники культуры. Вместе мы перечисляли, что мы теряем и что можем еще потерять, вместе были обеспокоены, делились своей тревогой о будущем. Я стал говорить о том, что мы недостаточно заботимся о памятниках малых народов: ижора ведь исчезают бесследно. И вдруг мои молодые люди насупились: «Нет, мы будем заботиться только о русских памятниках». — «Почему?» — «Мы русские». — «Но разве не долг России помочь тем народам, которые во имя истории связали свою судьбу с судьбой России?»

Мои мальчики быстро согласились со мной. «Вы поймите, — говорил я, — делать доброе гораздо отраднее, чем плохое. Приятно делать подарки. В покровительстве другим, в добром отношении к ним есть сознание силы, уве-

ренность в себе и есть настоящая мощь». Лица мальчиков просветели. Точно груз спал с их плеч.

Я говорил, между прочим, и о том, как много ценного для мировой культуры дают народы Поволжья. Поволжья — поймите это! — то есть народов, живущих по великой *русской* реке Волге. А разве Волга не река и других народов — татар, мордвы, марийцев и пр.? Далеко ли от нее до народа коми или башкир? Сколько мы, русские, получили культурных ценностей от других народов именно потому, что сами давали им много! А культура — это как неразменный рубль: расплачиваешься этим рублем, а он все у тебя в кармане и даже, глядишь, денег становится больше.

Какие крупные русские ученые изучали языки Средней Азии, Сибири, Кавказа! Сколько у нас было выдающихся востоковедов, и как выросла сама русская филология благодаря изучению культур народов Востока, какой авторитет завоевала во всем мире...

А искусствоведение, историческая наука, фольклористика, литературоведение, да и многое другое? Русская наука не проиграла, оттого что русские ученые принимали участие в организации национальных научных центров в нашей стране, национальных высших учебных заведений. Она обогатилась и продолжает обогащаться изучением идей, возвращающихся к нам в Россию обогащенными из Еревана, Тарту, Ташкента, Алма-Аты, Тбилиси, Баку, Киева, Минска, Петрозаводска, Вильнюса, Риги...

Вряд ли в этом беспорядочном перечислении научных центров я упомянул всех и вся. Дело не в полноте перечисления, а в полноте осознания той роли, которую играет национальный обмен научным опытом между народами.

Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее.

Культура должна быть открытой.

Несмотря на все уроки XX в., мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро.

Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели.

Национализм же — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов.

Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость, и сам, в свою очередь, порожден этим же.

В тех слоях русского общества, которые всегда были связаны с русской национальной культурой — в крестьянстве, в интеллигенции и у потомственных рабочих (подчеркиваю: именно трудовые традиции делают людей подлинно интеллигентными, и нельзя путать интеллигенцию с ее прямой противоположностью — полуинтеллигенцией) меньше всего национализма.

Читатели мне подсказывают: «Хорошо известны факты из сравнительно недавней истории XVII в., когда русский землепроходец Е.П. Хабаров, обосновавшись вблизи места впадения реки Киренги в Лену, организовал там бурение на соль и научил местные народности пользоваться солью, избавил их от мучительной операции, необходимой из-за отсутствия соли, — подвергать себя периодически обкусыванию муравьями.

Миссия Баранова на Аляске тоже была дружественной (начало XIX в.). Русские организовали самые хорошие отношения с аборигенами Аляски. Когда русские ушли — многое изменилось».

Но те же авторы письма возражают мне по поводу «патцифизма русского характера». Но, во-первых, я вовсе не утверждаю, что русский характер — это характер пацифиста. И слова-то такого я не употребляю. Примеры, приводимые читателями, вовсе не идут к делу: «войны донских казаков в XVII веке», «войны Петра I за низовья

Невы», «среднеазиатский поход Скобелева». Нельзя делать народ ответственным за действия властителей — испанцев за инквизицию и жестокий захват Перу и Мексики, французов за Варфоломеевскую ночь, русский народ за жестокости Грозного, за подавление восстания Пугачева Суворовым... Да и примеры, приводимые авторами письма, не совсем верны. Донские казаки отстаивали Азов от турок и именно в этом просили поддержки московского правительства. Низовья Невы с X в. и по Столбовский мир в начале XVII в. принадлежали Руси. Скобелев со своими войсками выполнял свой воинский долг не против среднеазиатских народов, а против соперничества Великобритании в этом районе — соперничества очень в тот момент опасного для России. Конечно, примеры жестокого отношения царизма к другим народам могли бы быть приведены другие, но разве не страдал сам русский народ, и в первую очередь именно русский, от жестокости своего правительства?

Русская история в прошлом — это история бесконечных испытаний, несмотря на которые народ сохранял и достоинство, и доброту.

Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свое село, свою семью.

Если в семье все благополучно, то и в быту к такой семье тянутся другие семьи — навещают, участвуют в семейных праздниках. Благополучные семьи живут социально, гостеприимно, радушно, живут вместе. Это сильные семьи, крепкие семьи.

Так и в жизни народов. Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами.

Можно только радоваться, живя в стране, где встречаются и сходятся самые различные народы — различные по обычаям, культурным традициям и национальному характеру.

Как учёный, я занимаюсь древней русской литературой, то есть именно тем периодом русской литературы, в котором ее русскость была выражена с наибольшей отчетливо-

стью. И вот что достойно внимания: в древней русской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан, Григорий Цамблак), сербы (Пахомий Логофет, Аникита Лев Филолог), греки (Максим Грек и многие другие), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвины (по-видимому, «протопоп богатырь» Аввакум и его недооцененный противник — патриарх Никон), белорусы, украинцы (их много в XVII в., их не перечислишь)... Все они включались в созидательный процесс развития русской литературы.

Мы все граждане своего народа, граждане нашего великого Союза и граждане всего земного шара. Пусть это не звучит напыщенно. Это сказано мною от всего сердца, а то, что сказано от сердца, не может быть пустой фразой.

О национализме, основанном на ненависти к другим народам, и о патриотизме, основанном на любви к своему, хочется сказать словами одной грузинской песни:

То, что ненависть разрушит,
То любовь восстановит...

*Заметки о русском // Избранные работы:
В 3 т. Л., 1987. Т. 2. С. 463—470*

